

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 311–318

Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 311–318

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

Научная статья

УДК 811.161.1'243

Референциальные особенности текстов нарративного жанра при освоении первого и второго языка

Е. В. Галкина^{1✉}, **С. В. Краснощекова**^{2,3}, **Е. В. Кожевникова**¹

¹Институт физиологии имени И. П. Павлова РАН, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6.

²Институт лингвистических исследований РАН, Россия, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

Галкина Елена Владимировна, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатория психофизиологии речи, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Краснощекова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, ²научный сотрудник отдела теории грамматики, ³доцент Высшей школы международных образовательных программ, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Кожевникова Елена Валерьевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатория психофизиологии речи, lenakozhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0941-7676>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос становления отдельных элементов речевого жанра в дискурсивном пространстве русской лингвокультуры, в процессе овладения русским языком представителями иных языковых групп. Референциальность как часть языковой системы связана с называнием и обозначением объектов реального мира языковыми средствами. Исследуется проблема референциального выбора (какими факторами руководствуется говорящий при выборе того или иного выражения) и разрешения анафоры (каким образом собеседник, воспринимающий текст, связывает местоимение с кореферентным существительным). Целью является изучение референциальных характеристик нарративов, в том числе референциальных ошибок, характерных для речи студентов, изучающих русский язык как иностранный. Для сравнения привлекаются русскоязычные взрослые и дети. Анализ материала демонстрирует, что основные особенности референциальной компетенции индивида (способность делать верный референциальный выбор, строить анафорические цепочки) связаны с возрастным когнитивным развитием и не зависят от родного языка; основные референциальные характеристики совпадают у взрослых инофонов и русскоязычных взрослых, что говорит о когнитивной природе референциальности. Обе группы взрослых одинаково используют существительные и местоимения для первичного и повторного ввода персонажа и поддержания топика и выстраивают неразрывные анафорические цепочки. Частные анафорические ошибки инофонов связаны с уровнем развития их грамматических навыков. По причинам, стоящим за возникновением референциальных ошибок, взрослые инофоны принципиально отличаются от одноязычных детей: детские ошибки связаны с недостаточной освоенностью когнитивных принципов референциального связывания, то есть в детской речи главным является когнитивный фактор. В основе же ошибок инофонов лежит недостаточная сформированность грамматического уровня неродного языка, то есть для взрослых ведущую роль играет структурно-грамматический фактор. Референциальные ошибки взрослых инофонов, таким образом, не следует выделять в отдельный тип.

Ключевые слова: нарратив, референция, анафора, освоение языка, освоение второго языка, русский язык

Для цитирования: Галкина Е. В., Краснощекова С. В., Кожевникова Е. В. Референциальные особенности текстов нарративного жанра при освоении первого и второго языка // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 311–318. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Referential features of narrative genres in the process of language acquisition**E. V. Galkina¹✉, S. V. Krasnoshchekova^{2,3}, E. V. Kozhevnikova¹**¹Pavlov Institute of Physiology Russian Academy of Science, 6 Makarova Emb., Saint Petersburg 199034, Russia²Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Science, 9 Tuchkov Per., Saint Petersburg 199053, Russia³Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 29 Politechnicheskaja St., Saint Petersburg 195251, Russia**Elena V. Galkina**, dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>**Sofia V. Krasnoshchekova**, ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>**Elena V. Kozhevnikova**, lenakozhev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0941-7676>

Abstract. The paper regards the process of the development of several features of the narrative speech genre in the discourse field of Russian culture while learning Russian as a second language. Referentiality in general linguistic sense is an area concerning naming of objects and characters by language means. In this paper we analyse the problems of the referential choice (what factors influence the speaker's choice of a referential expression) and anaphora resolution (how the listener/reader binds an anaphoric pronoun to a coreferential noun phrase). The main goal of our paper is to study referential features of narratives produced by foreign students acquiring Russian as a second language (RSL), compared with adult Russian speakers and children acquiring Russian as a first language (RFL). Also, we describe referential mistakes made by RSL learners. The analysis of the data demonstrates that the main referential features (abilities to make the right referential choices, form anaphoric chains, etc.) are related to the age-specific cognitive development and do not depend on the native language. Both groups of adults show similar patterns in using nouns and pronouns for the introduction or reintroduction of a referent and for the topic maintenance, and build continuous anaphoric chains. Particular anaphoric mistakes of RSL learners are related to the level of their grammar skills and differ from the mistakes made by RFL children: while children's mistakes base on the cognitive factor, RSL students' mistakes are mostly grammatical.

Keywords: narrative, reference, anaphora, language acquisition, second language acquisition, Russian language

For citation: Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V., Kozhevnikova E. V. Referential features of narrative genres in the process of language acquisition. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 311–318 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-311-318>, EDN: BUMSBW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вступительные замечания

Согласно данным литературы, посвященной изучению данного вопроса, речевой жанр можно определить как единицу речи, представляющую собой некую типовую модель коммуникации, которая характеризуется единством цели, темы и композиции, воплощенную в одном или множестве текстов. Подобные модели могут быть реализованы при помощи различных вербальных и невербальных средств и включать в себя один или несколько речевых актов [1: 102] и обладать такими параметрами, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, стратегия и тактика коммуникативного поведения [2: 153].

Речевое общение между людьми по большей части осуществляется посредством определенных жанров, «представляющих собой некий устойчивый тематический, стилистический, композиционный тип высказывания»:

«Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [3: 237, 257].

Речевые жанры, как правило, состоят из определенных функциональных компонентов, наличие, сочетаемость и следование которых характеризуют данный жанр [4: 2007]. Речевой жанр является «культурно и исторически оформленным, общественно конвенциализированным способом языковой коммуникации; образцом организации текста» [5: 104].

Умение строить эффективную речевую деятельность и эффективное речевое поведение, которое соответствует нормам социального взаимодействия, присущим конкретному этносу, является одной из важнейших составляющих успешной коммуникации, в соответствии с нормами речевых жанров данной языковой культуры [4: 1]. Однако, как указывает в своей работе М. Б. Бергельсон, «связь

между формой и значением языковых символов не всегда является прямой и очевидной, что влечет за собой неоднозначность самих языковых выражений, неоднозначность сообщения говорящего и неоднозначность с точки зрения адресата сообщения, вследствие этого затрудняется абсолютно правильная интерпретация дискурса. Успех или провал дискурсивного события зависит от степени совпадения лингвокультурных моделей адресата и рассказчика, а степень понимания обуславливается многими социокультурными факторами» [4: 1].

Как правило, речевые жанры осваиваются в ходе коммуникативного взаимодействия и обычно интуитивно правильно употребляются в речи носителей языка [5: 104].

В данной работе нас интересует вопрос становления отдельных элементов нарративного¹ жанра в процессе овладения русским языком представителями иных языковых групп. Новизна данного исследования заключается в том, что на основе анализа референциальных характеристик индивидуальных рассказов инофонов на русскоязычном материале было проанализировано то, как модели первого и второго языка мотивируют способы представления информации говорящим, какие элементы определяются языковыми нормами конкретной лингвокультуры, а какие имеют общекогнитивный характер.

К области референциальности в широком смысле относятся все явления, связанные с обозначением языковыми средствами объектов реального мира. Языковые средства, обозначающие в тексте тот или иной объект (референт), называют референциальными выражениями. К ним относятся полнозначные именные группы (полнозначные существительные, словосочетания с вершиной – существительным, субстантивированные прилагательные и др.), местоимения (обычно дейктические) и так называемые «синтаксические нули», то есть валентности, оставшиеся незаполненными (нулевые субъекты и, реже, объекты) [12]. Два основных вопроса, которым посвящено большинство современных работ по теории референциальности, – это (а) референциальный выбор и (б) разрешение анафоры. Референциальный выбор относится к сфере порождения речи (какие именно языковые средства выбирает говорящий для обозначения референта и что заставляет его сделать тот или иной выбор), разрешение анафоры – к сфере восприятия речи (какие характеристики референциального выражения и контекста позволяют слушающему «при-

вязать» местоимение к «соответствующему» (корреферентному) полнозначному выражению так, как это задумал говорящий) [13].

На выбор референциального выражения при порождении речи влияет целый спектр факторов: так, при введении нового референта используются существительные, при поддержании топика – местоимения; дети предпочитают обозначать людей и вообще одушевленные референты местоимениями, а неодушевленные – существительными [14]. Набор частных факторов различается в разных языках [15: 129–130]. Осваивающий язык ребенок или взрослый учится использовать референциальные выражения так, чтобы соблюдать баланс между понятностью и избыточностью. Освоению референциальности в родном языке посвящено значительное количество исследований [16–18]; известно, что этот процесс идет в связке с развитием «модели психического» (способности поставить себя на место собеседника, представить ситуацию его глазами [19]); при освоении второго языка взрослым когнитивные принципы референциальности обычно уже отработаны на базе родного языка.

Таким образом, цель данного исследования – выявить референциальные особенности нарративов, порожденных взрослыми инофонами, осваивающими русский язык как второй. Для того чтобы выяснить, какие особенности связаны с общекогнитивными способностями и возрастом говорящего, а какие – с процессом освоения языка, мы сравниваем инофонов с русскоязычными взрослыми и русскоязычными детьми.

Материалы и методика исследования

В данном исследовании анализируются 50 нарративов инофонов (носителей китайского, вьетнамского, итальянского, турецкого, таджикского и болгарского языков). В качестве контрольной группы были задействованы русскоязычные информанты – дети 4–5 лет (50 нарративов) и взрослые 18–20 лет (70 нарративов). Гендерное соотношение участников и соотношение рассказов и пересказов сбалансировано. Общее количество референциальных выражений, извлеченных из всех нарративов, составляет 3100.

Материал собирался при помощи разработанного Н. В. Гагариной и коллегами «Теста на определение нарративных навыков»/«Мультиязычного инструмента анализа нарративов» (ТОН/MAIN) [20]. В экспериментальный набор входит 4 серии картинок:

¹Термин «нарратив» принадлежит одновременно многим научным парадигмам [4, 6] и широко используется в лингвистических исследованиях [7–11]. Логически и хронологически нарратив обозначает соответствующий дискурсивный жанр [4].

каждая серия включает 6 рисунков и излагает связную нарисованную историю; персонажами историй являются люди и животные, в каждой истории активно действуют 3 героя. В задании на порождение нарратива участникам предлагалось рассмотреть картинки и на основе увиденного сюжета придумать собственную историю (сказку). Таким образом, в качестве жанрового элемента выступал свободный индивидуальный рассказ на определенную тему.

В нашем эксперименте нарративы, порождаемые детьми, собирались в устном виде, затем расшифровывались. Сбор данных происходил в форме беседы взрослого и ребенка, когда ребенок и экспериментатор по очереди рассказывали друг другу истории; нарративы же, порождаемые взрослыми, собирались в письменном виде: предлагалось сочинить историю, для того чтобы впоследствии зачитать ее другим студентам и преподавателю, выступающим в роли «слушающего» собеседника.

В ходе анализа учитываются такие референциальные характеристики, как выбор референциального выражения в зависимости от разных факторов; референциальное расстояние (количество клауз до предыдущего кореферентного выражения); длина анафорической цепочки; референциальные ошибки.

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа материала (в соответствии с параметрами, указанными выше) были получены следующие результаты.

1. Общее соотношение различных референциальных выражений объединяет взрослых информантов и отличает их от детей: около 75% существительных, 25% местоимений и 1% нулевых актантов у обеих групп взрослых и 65% существительных, 25% местоимений и 10% нулевых актантов у детей, то есть взрослые инофоны без труда порождают синтаксически полные высказывания, в которых не выпускаются субъекты/объекты.

2. Анафорические цепочки у взрослых инофонов в целом длиннее, чем у русскоязычных взрослых и детей: максимально длинные цепочки содержат 19, 13 и 11 членов соответственно. Неразрывные анафорические цепочки у всех участников не превышают 7–9 клауз; здесь не обнаружено различий между группами.

3. Для первого ввода персонажа все взрослые в нашем материале в 100% случаев

используют существительное, что считается нормой в стандартном русском языке; дети же допускают 6% «ошибок» (точнее, «невзрослых» употреблений, т. к. ошибочными в строгом смысле такие высказывания считать нельзя): для ввода нового персонажа используется местоимение либо нулевой актант: «*О [мама-птица] Дала ну один раз одному... потом второму*» (4 года 11 месяцев – персонаж *мама-птица* встречается впервые в нарративе). Сюда же примыкают разрывы анафорической местоименной цепочки (ситуация, в которой говорящий рассказывает об одном персонаже, затем переключается на другого персонажа, затем возвращается к первому, но повторно вводит его местоимением, а не существительным, как будто продолжает связную анафорическую цепочку)². Эта ситуация тоже встречается в основном в детских нарративах, в речи взрослых подобные случаи можно считать оговорками. Следовательно, когда референт вводится первый раз или повторно после перерыва, взрослые – ни на родном, ни на неродном языке – без труда выбирают нужное полнозначное референциальное выражение так, чтобы сделать свое высказывание понятным для собеседника. Это происходит потому, что у взрослого уже освоена и развита «модель психического», то есть он отслеживает, понимает ли его собеседник в непосредственный момент коммуникации или будет ли его понимать «перенесенный собеседник» – будущий читатель (кроме того, в письменной речи – в отличие от устной, спонтанной – порождающий текст имеет возможность вернуться назад и изменить высказывания так, чтобы сделать использованные референциальные выражения однозначно понятными). Ребенок же, «модель психического» которого сформирована не до конца, еще не готов отслеживать, насколько четко собеседник понимает его речь, и поэтому использует те референциальные выражения, которые оказались ему наиболее подходящими или которые первыми всплыли в памяти.

4. Говоря об анафорических разрывах, стоит сказать о референциальном расстоянии вообще. Анализ нашего материала дал понять, что расстояние в 2 клаузы (см. примечание 2) на русском языке слишком невелико, чтобы считать его достаточным для полноценного разрыва, поэтому в данной работе термин «повторный ввод» относится к ситуациям, когда между двумя упоминаниями

²Обычно анафорическая цепочка строится так: в первой клаузе используется полнозначная именная группа, в следующих – местоимения и нули. Когда фокус внимания говорящего переключается на другой референт, топик перестает поддерживаться, и происходит анафорический разрыв. Ситуацию, когда говорящий возвращается к предыдущему референту, называют повторным вводом референта. Обычно разрывом считают уже расстояние в 2 клаузы между двумя упоминаниями одного референта [14: 50].

референта находится 5 клауз и более. Для расстояния в 2–4 клаузы мы предлагаем обозначение «промежуточная зона». Взрослые используют местоимения в «промежуточной зоне» формально чаще, чем при повторном вводе референта, но в абсолютных числах – все еще крайне редко (ср. русскоязычные взрослые – в 5% случаев от всех случаев использования местоименные референциальных выражений, инофоны – в 9% случаев), и не используют нули; в детских текстах же 30% местоимений и нулей принадлежит именно «промежуточной зоне».

5. Что касается обозначения конкретных персонажей, то взрослые инофоны отличаются от русскоязычных взрослых и сближаются с детьми при назывании следующих референтов: а) активного персонажа – человека (значительно больше местоимений и меньше существительных, чем в общем); б) пассивного персонажа – животного в пересказе, а также активного положительного персонажа в рассказе (в обоих случаях больше существительных, чем в общем). Возможно, это связано с универсальной иерархией одушевленности, в которой по референциальной шкале местоимения стоят выше существительных, а обозначения человека – выше обозначений прочих живых существ [21: 433].

6. Конкуренцию antecedентов (то есть ситуацию, в которой анафорическое местоимение может восприниматься собеседником как отсылающее к одной или другой полнозначной именной группе) очень редко допускают взрослые, как носители языка, так и инофоны. В текстах на русском как втором отмечается около 10 случаев, из которых большинство представляет собой псевдоконкуренцию, то есть при отсутствии широкого ситуативного контекста грамматическое строение фразы позволяет трактовать местоимение двояко, однако контекст помогает сделать однозначный выбор, например: (а) «*В третьем карте кошка взёт на дерево и даже мама птица несёт пищу к птицев. На 4-х карте она хочет есть птицу*» [На третьей картинке кошка влезает на дерево, а мама-птица несет еду птенцам; на четвертой картинке она хочет съесть птенцов] (родной язык турецкий) – формально, грамматически конкурируют «мама-птица» и «кошка», связанные с «она», но по контексту однозначно понятно, кто из персонажей хочет съесть птенцов; (б) «*В этот момент высокий мальчик возвращается с Рыбалко, он всю видел и поэтому его мялчик упал в воду. Тогда он заметил ветро и достоть мялчик*» [В это время высокий мальчик возвращался с рыбалки, он все видел, и поэтому его мячик упал в воду. Тогда он заме-

тил ведро и достал мячик] (родной язык итальянский) – формально может быть конкуренция между «мальчик» и «мячик» при связи с «он», но контекст отсекает эту возможность. В текстах русскоязычных взрослых обнаружено 5 случаев, например: «*Неожиданно мячик выскользнул из рук мальчика, и он покотился в море*» – формально-грамматически отмечается конкуренция между «мальчик» и «мячик». В нарративах с элементами диалога, порождаемых детьми, грамматическая конкуренция antecedентов допускается регулярно, однако недопонимания удается избежать благодаря особенностям речевой ситуации: ребенок жестами или взглядом указывает на изображение того персонажа, о котором идет речь. Конкуренция antecedентов, таким образом, нехарактерна для взрослых инофонов, то есть, вероятно, это еще одна характеристика нарративов, которая зависит от уровня развития когнитивных механизмов индивида.

Обобщая пункты 1–6, сделаем следующий промежуточный вывод: взрослые инофоны, порождающие текст на втором языке, почти не допускают ошибок, которые имеют отношение к сфере когнитивного и связаны с «моделью психического». Большинство ошибок детей, из-за которых их собеседникам может быть трудно связать местоимение/синтаксический ноль и полнозначный antecedent, соотносить местоимение/синтаксический ноль и внеязыковой референт, происходят от того, что у ребенка еще не до конца освоена способность посмотреть на текущую коммуникативную ситуацию «глазами собеседника», но у взрослых эта способность полностью сформирована. Уровень развития «модели психического» не имеет отношения к уровню развития строго лингвистических навыков: когда индивид, успешно освоивший в родном языке принципы ориентации на собеседника, начинает изучать новый язык, для порождения высказываний на втором языке начинают применяться уже отработанные когнитивные механизмы, то есть происходит автоматический перенос из родного языка. Таким образом, в отношении пунктов 1–6 любые взрослые (носители языка и инофоны) отличаются от любых детей (заметим, что в дальнейшем необходимо проверить полученные результаты на детях-билингвах и на детях, изучающих второй язык). Интересно, однако, что в заданиях, где проверяется восприятие местоимений, взрослые инофоны оказываются ближе к одноязычным детям, чем к другим взрослым, то есть при разрешении анафоры задействуются не столько когнитивные, сколько лингвистические механизмы [22].

7. В области референциальности обнаружены ошибки, характерные в первую очередь

для взрослых инофонов. Они зафиксированы у половины информантов этой группы в нашем материале и все относятся к рас-согласованию кореферентных языковых выражений в роде и/или числе: местоимения мужского рода (м. р.) связываются с существительными женского рода (ж. р.); местоимения во множественном числе (мн. ч.) – с существительными в единственном числе (ед. ч.) и т. д., ср.: (а) «Рядом с *деревой* собака видит кот. Потом он поймают кто» [Рядом с *деревом* собака увидела кота. Потом она поймала кота] (родной язык китайский) – «он» = «собака»; эта информантка предпочитает стратегию симплификации и использует «замороженные», оставленные без изменения «словарные» формы именительного падежа м. р. прилагательных и местоимений независимо от формы существительного (ср. в том же тексте: «летать в другой месте», «дети ждут свой маму»); (б) «Мама зовут Лена и очень люблю свою детей. У него 2 детей» (родной язык португальский) – «у него» (м. р.) = «у мамы»/«мама» (ж. р.); этот информант использует более редкую при освоении второго языка, но тоже регулярно отмечаемую стратегию – стратегию «любой граммеы», при которой формы присваиваются хаотично, то есть каждая лексема ставится в ту грамматическую форму, которая первой всплывает у говорящего в памяти, независимо от семантического или грамматического наполнения – это относится не только к роду, но и к падежу, лицу, числу и т. д. (ср. в том же предложении: «она люблю», «свою детей»); (в) «А за кустом кошка заметила что у мальничика у руки рыба, и он поставил их на земле» (родной язык китайский) – «они» = «рыба» (ср. «рыбы») – ед. ч. рыба соотносится со множественностью объектов на рисунке (*несколько рыбин*) и, соответственно, связывается с мн. ч. местоимения *их*. У русскоязычных взрослых не зафиксировано таких ошибок; из всех детей только 2 информанта допускают «чередование» м. р. и ж. р. при обозначении одного и того же персонажа в течение одного рассказа: «А потом кошка полезла на дерево. А собака его схватила за хвост. Потом она убежала собака за котом» (4 года 11 месяцев) – один герой обозначен как «кошка» = «он» = «кот».

Ошибки инофонов при порождении местоимений, на первый взгляд, похожие на референциальные, но на самом деле не имеют к области референциальности прямого отношения и принципиально отличаются от описанных в п. 1–6 ошибок детей-монолингвов. Неверное присваивание местоимению рода или числа, неверный выбор формы и пр. – все это относится к той же области, что и непра-

вильный выбор окончания прилагательного, падежа имени, личной формы глагола. Это типичные ошибки в сфере языковой синтагматики и парадигматики, характеризующие любую индивидуальную промежуточную систему языка. Такие ошибки возникают обычно, когда говорящий прибегает к стратегиям, облегчающим порождение речи на неродном языке: стратегии симплификации и ее подтипам – стратегии «любой граммеы» и «замороженных форм».

8. Особенности нарративов инофонов связаны с уровнем освоенности грамматического уровня языка: в отличие от русскоязычных взрослых, инофоны активнее пользуются референциальными выражениями, т. к. для них менее доступны нефинитные глагольные конструкции, не требующие субъекта (причастные и деепричастные обороты, а также придаточные предложения с инфинитивами) – у инофонов на один текст в среднем приходится 21 референциальное выражение, у русскоязычных взрослых – 18, у детей – 14.

Заключение и выводы

В результате анализа референциальной составляющей русскоязычных нарративов (представляющих собой свободный рассказ на определенную тему), порожденных информантами с различной степенью развития языковых навыков, можно отметить следующие моменты.

1. Обе группы взрослых рассказчиков – как носители языка, так и изучающие русский в качестве второго – одинаково успешно используют существительные и местоимения для *первичного и повторного ввода персонажа, поддержания топика и выстраивают неразрывные анафорические цепочки*. Таким образом, основные референциальные характеристики совпадают у взрослых инофонов и русскоязычных взрослых, в отличие от русскоязычных детей, которые допускают ошибки, что свидетельствует о когнитивно-возрастной природе данных элементов нарративного речевого жанра.

2. Почти все ошибки, связанные с *употреблением местоимений*, зафиксированные в текстах взрослых инофонов, имеют отношение к системно-грамматическому уровню языка: механизм порождения подобных ошибок не отделим от универсальных процессов, которые имеют место при формировании у взрослого собственной системы второго языка. Таким образом, по-видимому, если в ходе освоения ребенком референциальности, главенствующая роль принадлежит именно когнитивному фактору, то его значение нивелируется, когда с областью языковой

референциальности во втором языке сталкивается взрослый индивид.

3. Обнаруженные характерные ошибки инофонов, касающиеся *правил анафорического связывания* («перенос» из родного языка на русский), – свидетельствуют о том, что данный элемент построения жанра формируется в процессе обучения и в наибольшей степени является связанным с уровнем владения языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косицкая Ф. Л. Речевой жанр как единица контрастного анализа // Вестник ТГПУ. 2006. № 4 (55). С. 101–105.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 445 с.
4. Бергельсон М. Б. Социокультурная мотивированность нарративов. URL: <https://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/06.htm> (дата обращения: 24.07.2021).
5. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. 1999. № 2. С. 103–111.
6. Prince G. A Dictionary of Narratology. Nebraska : University of Nebraska Press, 2003. 126 p.
7. Николаева Т. М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 5–39.
8. Banfield A. Narrative style and the grammar of direct and indirect speech // Foundations of Language. 1973. Vol. X. P. 1–39.
9. Givon T. (ed). Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1997. 302 p.
10. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000. 680 с.
11. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 479 с.
12. Gruening A. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach // Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium. Lisbon, Edições Colibri, 2002. P. 81–86.
13. Прокопья В. К. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 27 с.
14. Lindgren J., Vogels J. Referential cohesion in Swedish preschool children's narratives // Journal of Pragmatics. 2018. № 133. P. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.06.007>
15. Allen S., Hughes M. E., Skarabela B. The role of cognitive accessibility in children's referential choice // The Acquisition of Reference. Amsterdam : John Benjamins, 2015. P. 123–154. <https://doi.org/10.1075/tilar.15.06all>
16. Pine J. M. The functional basis of referentiality: Evidence from children's spontaneous speech // First Language. 1992. № 12. P. 39–56. <https://doi.org/10.1177/014272379201203403>

4. Конкретные события, как правило, описываются с точки зрения рассказчика, его оценки ситуации, индивидуального и социокультурного знания. Языковое проявление этого также возможно увидеть в решениях, принимаемых говорящим относительно того, какую информацию он подает эксплицитно, а какая, по его мнению, должна быть понятна адресату из контекста ситуации.

17. Aksu-Koç A., Nicolopoulou A. Character reference in young children's narratives: A crosslinguistic comparison of English, Greek, and Turkish // Lingua. 2015. № 155. P. 62–84. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2014.04.006>
18. Онупенко Н. К. Грамматика текста в онтолингвистическом аспекте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 169–178.
19. Flavell J. H. Theory-of-mind development Retrospect and prospect // Merrill-Palmer Quarterly. 2004. Vol. 50, № 3. P. 274–290.
20. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė L., Bohnacker U., Walters J. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children // Assessing Multilingual Children. Disentangling Bilingualism from Language Impairment. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters., 2015. P. 243–276. <https://doi.org/10.21832/9781783093137>
21. Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview // Linguistics. 2016. Vol. 54, № 3. P. 433–441. <https://doi.org/10.1515/ling-2016-0008>
22. Slabakova R., White L. Brambatti Guzzo N. Pronoun Interpretation in the Second Language: Effects of Computational Complexity // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. P. 12–36. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01236>

REFERENCES

1. Kositskaya F. L. Speech genre as a unit of contrastive analysis. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 4 (55), pp. 101–105 (in Russian).
2. Demytyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya i yeye zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 248 p. (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov. Yestetika slovesnogo tvorchestva* [The problem of speech genres. Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 445 p. (in Russian).
4. Bergelson M. B. *Sotsiokulturnaya motivirovannost narrativov* [Sociocultural motivation of narratives]. Available at: <https://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/06.htm> (accessed 24 July 2021) (in Russian).
5. Gayda S. Conversational genres. *Speech Genres*, 1999, no. 2, pp. 103–111 (in Russian).
6. Prince G. A *Dictionary of Narratology*. Nebraska, University of Nebraska Press, 2003. 126 p.
7. Nikolayeva T. M. Linguistics of the text: Current state and prospects. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. VIII* [New in the Foreign Linguistics, iss. VIII]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–39 (in Russian).

8. Banfiyeld A. Narrative style and the grammar of direct and indirect speech. *Foundations of Language*, 1973, vol. X, pp. 1–39.
9. Givon T., ed. *Conversation. Cognitive, Communicative and Social Perspectives. Typological Studies in Language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1997. 302 p.
10. Nikolayeva T. M. *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 680 p. (in Russian).
11. Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic research. Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 479 p. (in Russian).
12. Gruyening A. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach. *Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium*. Lisbon, Ediçoes Colibri, 2002, pp. 81–86.
13. Prokopenya V. K. *The mechanisms of anaphora in speech production and comprehension: An experimental study based on the material of the Russian language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2016. 27 p. (in Russian).
14. Lindgren J., Vogels J. Referential cohesion in Swedish preschool children's narratives. *Journal of Pragmatics*, 2018, no. 133, pp. 45–62. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.06.007>
15. Allen S., Hughes M. E., Skarabela B. The role of cognitive accessibility in children's referential choice. In: *The Acquisition of Reference*. Amsterdam, John Benjamins, 2015, pp. 123–154. <https://doi.org/10.1075/tilar.15.06all>
16. Pine J. M. The functional basis of referentiality: Evidence from children's spontaneous speech. *First Language*, 1992, no. 12, pp. 39–56. <https://doi.org/10.1177/014272379201203403>
17. Aksu-Koç A., Nicolopoulou A. Character reference in young children's narratives: A crosslinguistic comparison of English, Greek, and Turkish. *Lingua*, 2015, no. 155, pp. 62–84. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2014.04.006>
18. Onipenko N. K. Ontolinguistic grammar of the text. *Scientific Journal of Herzen University*, 2018, no. 189, pp. 169–178 (in Russian).
19. Flavell J. H. Theory-of-mind development Retrospect and prospect. *Merrill-Palmer Quarterly*, 2004, vol. 50, no. 3, pp. 274–290.
20. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūniyenė I., Bohnacker U., Walters J. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children. Assessing Multilingual Children. In: *Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters., 2015, pp. 243–276. <https://doi.org/10.21832/9781783093137>
21. Haude K., Witzlack-Makarevich A. Referential hierarchies and alignment: An overview. *Linguistics*, 2016, vol. 54, no. 3, pp. 433–441. <https://doi.org/10.1515/ling-2016-0008>
22. Slabakova R., White L., Brambatti Guzzo N. Pronoun Interpretation in the Second Language: Yeffects of Computational Complexity. *Frontiers in Psychology*, 2017, no. 8, pp. 12–36. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01236>

Поступила в редакцию 28.07.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 10.10.2021
The article was submitted 28.07.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 10.10.2021